

Пока Жун Юй и Линь Цзин осматривали комнату, Бай Сяньчэнь уже прикидывал план побега.

— Глава секты, должно быть, заходил, — ответил Линь Цзин Жун Юю. — ...Вчера именно он принес Ван Кэ на руках.

Линь Цзин специально сделал упор на слове «принес», отчего лицо Жун Юя стало немного странным:

— Ты опять всё приукрашиваешь?

Линь Цзин замахал руками:

— Вовсе нет! Глава секты и впрямь нес его на руках. Брат, тебе не кажется это странным? Я видел иней на дверях Ван Кэ, может, это какая-то нечисть приняла облик главы секты, чтобы навести шороху?

Жун Юй покачал головой и кивнул в сторону Бай Сяньчэня, сидевшего на краю постели:

— Исключено. Если бы всё было так, как ты говоришь, и вчерашний глава секты был подделкой, то почему этот младший брат цел? Разве что... сам этот младший брат тоже не без изъяна.

Бай Сяньчэнь смотрел на этих двоих, которые так беспардонно обсуждали его прямо при нем, и очень хотел сказать: «Будь я и впрямь нечистью, перекусал бы вас обоих прямо сейчас».

К его удивлению, Линь Цзин серьезно посмотрел на Жун Юя и произнес с напускной важностью:

— Брат! Честно говоря, мне тоже кажется, что с Ван Кэ что-то не так.

Бай Сяньчэнь: «...»

«Эй! Вы что, думаете, я с вами не справлюсь? Имейте хоть каплю уважения!»

Жун Юй осторожно кивнул, достал из-за пазухи небольшой флакон и извлек из него круглую пилюлю:

— Прости, младший брат, но это снадобье для проверки личности тех, кто пришел в секту со стороны. Любая нечисть, на чьих руках есть кровь, мгновенно взорвется, проглотив её, а обычные злые духи просто примут истинный облик. На обычного же человека пилюля подействует как легкое укрепляющее средство. Примешь одну? Если ты чист, она только поможет в культивации.

Бай Сяньчэнь, разумеется, не собирался её есть.

На его руках была кровь семьи Бай, да и сам он когда-то считался едва ли не демоном. После такой пилюли его выживание зависело бы исключительно от удачи.

Бай Сяньчэнь встал, достал бумагу с кистью и решил свалить всю вину на Се Уцзю, написав: «Возможно, проблема действительно в главе секты. Вчера Линь Цзин видел огонь, а сегодня я заметил на пальце главы свежий ожог».

Он надеялся, что это отвлечет Жун Юя, но тот остался непоколебим и поднес пилюлю еще ближе:

— Это не свежий ожог. У главы секты подобные отметины то появляются, то исчезают уже десять лет. Для практикующего воина шрамы – дело привычное.

«О как...»

Бай Сяньчэнь облегченно выдохнул. Значит, и впрямь недоразумение. Он так и знал! Се Уцзю всегда был холоден к нему, с чего бы ему вдруг меняться? Такая месть была бы слишком накладной – бить врага, калеча самого себя. Совсем не в его стиле.

Но едва одна тревога утихла, как нахлынула другая: насколько же тяжела эта рана?

Если она никак не заживает, то плохо дело – вдруг Се Уцзю однажды с горя решит выместить на нем злобу.

Впрочем, собственное положение казалось Бай Сяньчэню куда хуже. Его отказ принимать пилюлю вызвал у Жун Юя подозрения, и рука мечника уже легла на рукоять меча.

Бай Сяньчэнь бросил взгляд на изящный флакон и сразу понял, что это «шедевр» Жун Чжо.

В былое время он частенько помогал Жун Чжо дегустировать и проверять его варева, и вот надо же – спустя столько лет Жун Чжо умудрился подложить ему такую свинью.

Пока Бай Сяньчэнь в нерешительности держал пилюлю, в голове вдруг раздался знакомый механический голос Системы: [Можно есть.]

После этих слов Бай Сяньчэнь без колебаний проглотил снадобье.

Жун Юй и Линь Цзин настороженно прождали около пятнадцати минут. Время шло, Бай Сяньчэнь оставался спокоен, не выказывая ни малейших признаков недомогания. Убедившись, что с ним всё в порядке, оба облегченно вздохнули.

Жун Юй заговорил заметно мягче:

— Младший брат, если здесь действительно появлялись иней и пламя, как говорит Линь Цзин, а с тобой всё хорошо, значит, в самой комнате что-то нечисто. Тебе придется переехать на время, пока я наложу здесь печати.

Бай Сяньчэнь не ожидал, что придется так внезапно собирать вещи. Он нашарил под подушкой лопань, но Ледяная Красавица снова куда-то запропастилась.

Пришлось сначала выяснить, куда его переселяют.

Свободных мест в покоях внешних учеников не было, поэтому его временно отправили в гостевые домики, подготовленные для тех, кто прошел первый этап отбора.

Бай Сяньчэнь оставил записку на столе и поспешно ушел.

Когда он скрылся из виду, Жун Юй снова спросил Линь Цзина:

— И всё-таки, что тебе в нем показалось странным?

Линь Цзин ответил со всей серьезностью:

— Он стал красивее.

Жун Юй устало взглянул на него:

— Ты думаешь, это смешная шутка?

Линь Цзин стоял на своем:

— Я не шучу! Он правда стал красавцем!

С самого своего основания секта Нефритового Небосвода опиралась на Путь Бесстрастия, и ученики обязаны были практиковать его как основу. После того как руководство принял предыдущий Великий Мастер, правила смягчились: за исключением главы секты, остальные старейшины и ученики могли выбирать свой путь по желанию.

Но корни секты никуда не делись, и за многие годы мало что изменилось. Хотя многие и не посвящали себя целиком Пути Бесстрастия, они негласно следовали его строгим канонам.

Отказ от мирских привязанностей и плотских желаний был одним из них.

Линь Цзин мог бы использовать любые слова, описывая достоинства «Ван Кэ», но слово «красивый» в этом контексте звучало подозрительно.

Впрочем, простодушный Линь Цзин еще не осознавал всей глубины проблемы.

Жун Юю надоело спорить:

— Не вздумай ляпнуть такое при учителе, иначе я за твои кости не поручусь. И вообще, сосредоточься на практике и поменьше думай о посторонних вещах.

Линь Цзин, поняв намек, слегка покраснел и пробормотал, что всё осознал.

Результаты первого испытания должны были объявить только через день. Когда Бай Сяньчэнь перебрался на новое место, во всем дворе он оказался совсем один.

Наконец ему удалось связаться с Системой. Та лишь сообщила, что один из артефактов, утраченных пятью покойными членами семьи Бай, находится где-то в секте Нефритового Небосвода, после чего снова замолчала.

Поскольку это задание напрямую касалось главной цели Бай Сяньчэня, бежать теперь было еще неудобнее.

«Будь что будет, сначала посплю».

Новая постель была мягче, подушка – удобнее. Как только стемнело, Бай Сяньчэнь уже вовсю храпел, уткнувшись в одеяло.

Однако сон его становился всё тяжелее.

Бай Сяньчэню казалось, будто внутри него полыхает яростное пламя. Он ворочался во сне, сквозь дрему удивляясь: «Я же сам – воплощение огня, как я могу его бояться?»

Видимо, дневная пилюля всё-таки дала о себе знать.

Система сказала, что её «можно есть», но это означало лишь то, что он не умрет, а вот о побочных эффектах она скромно умолчала.

Жар нарастал, поднимаясь от живота к горлу. Сознание путалось, веки налились свинцом, и он перестал понимать, где сон, а где явь.

Снадобья для проверки претендентов в секту были на редкость забористыми. Бай Сяньчэнь сумел миновать все защитные артефакты на дорогах, но попался на одной маленькой пилюле.

На его руках действительно была кровь, так что откат от лекарства был вполне заслуженным.

Силы покидали его, огненный вихрь в груди причинял нестерпимую боль. Он сжимал зубы, пытаясь перетерпеть, а когда это перестало помогать, до крови прикусил кончик языка.

В тот миг, когда он решил любой ценой пробудиться через боль, вчерашний «кошмар» вернулся.

Знакомая прохлада окутала его, постепенно умиряя бушующий внутри пожар.

Но в этот раз он плотно сжал губы, решив во что бы то ни стало не поддаваться наваждению.

Кошмар тоже не спешил отступить. Незримая сила пыталась разомкнуть его уста, и в какой-то момент Бай Сяньчэнь одержал победу – он услышал тихий, едва уловимый вздох, похожий на капитуляцию.

— Разве можно глотать пилюли без разбора?

— Будь послушным. Открой рот.

— Сделаешь это – и боль уйдет.

«Твою мать... Похоже, кошмар и впрямь ожил и решил устроить себе пир...» — в полузабытьи подумал Бай Сяньчэнь.

<http://bllate.org/book/19453/1908653>